

СУКИ-ДЗУКИ, НАКА-НАКА

Моей. Райкина. 1997. 17 мая 1997. с. 3

Небесная канцелярия явно расположилась к японцам, если отпустила все осадки с громом и молниями за час до начала спектакля театра "Но" на пленэре. Во всяком случае, как публика повалила в японский сад Ботанического сада, уже во всю жарило солнце и плавало помалу на женских губах.

Но, похоже, солнце мало пугало артистов, одетых в юбки сдержанных тонов поверх черных кимоно. Потому как полноценные спектакли "Но" обычно играют по 5-6 часов при свете огромных костров. В Москву же японцы привезли своеобразный дайджест из своих работ. Японцы, народ основательный, прочли получасовую лекцию о музыке (плывущей), жестах (выразительных), драмах (символических) самого древнего японского театра. На сцене 5 на 5 из некрашенной доски (так полагается) один из артистов наглядно изображал звуки, которые сопровождают конкретный канонический текст. Например, означающий фразу: "Эта перегородка мне мешает, перепили ее". Выглядело это так — молодой артист, раскинув руки и ноги, необычным способом передвигался по сцене с гортанными криками:

— Зыка-зыка-зыка.

А потом непередаваемыми на бумаге звуками изобразил гром, молнию и прочие метеорологические неприятности.

Чудно было все: от звуков и жестов до костюмов. Все артисты были только в носках белого и желтого цветов с просторченным большим пальцем, в юбках с огромными разрезами по бокам наподобие открытых карманов и несколько раз перехваченных поясами. Нечего говорить о расшитых золотом красных и черных кимоно. Что характерно, так было и шесть веков назад, когда эстетику искусства "Но" придумали отец и сын. Какова же была сила их дарования, если выработанные ими приемы игры и написанные пьесы стали по сути национальным музеем, как хор Пятниц-

кого у нас, как расшитая крестом белая рубашка, прозванная в народе "антисемиткой". Впрочем, любые сравнения хромают.

Публика, собравшаяся в японском саду, явно прибалдела с самого начала от вековой экзотичности японского театра и его персонажей — духов, львов, на львов не похожих. Самая строгая, культивируемая много веков классика в Ботаническом саду выглядела абсолютно крутым авангардом: когда ничего не понятно, но гипноз искусства очевиден. Среди зрителей я обнаружила только одну дамочку в ряду самых почетных гостей, которая ерзала, думая, как бы слиться незаметно. Все же остальные смотрели, открыв рот.

— А в Японии-то эта древность популярна? — спросила я специалиста по японскому средневековью Виктора Мазурика.

Оказалось, популярна, но среди достаточно образованных людей, потому что искусство самураев играет на древнем языке, знакомом не каждому современному японцу, и требует как минимум предварительного

знакомства с литературным материалом. А к таким жертвам не каждый зритель, в том числе и японский, готов.

— Вообще ничего странного, навороченного и специально придуманного в "Но" нет как это может показаться, — сказал мой собеседник. Этот тип культуры не конструируется, а вырастает из вековой почвы, как растение. Красота его — не в реальном, а в другом мире. И "Но" — канал для нас в тот мир.

Не знаю, как насчет той, а в этой реальности экзотическое растение под названием "Но" произрастало на московской почве в окружении плотного березового частогокола и под лягушачий аккомпанемент, доносившийся из заросшего по соседству со сценой пруда.

P.S. А в выражении "суки-дзуки, нака-нака", которое часто повторяли артисты в одном фарсе, оказалось, нет ничего неприличного. "Суки-дзуки, нака-нака" означало не что иное, как "я люблю что-то, я люблю очень-очень".

Марина РАЙКИНА.

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

Ну и "Но"!